

РУССКИЙ ГАМЛЕТ

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ПАВЛА I

МИХАИЛ
ВОСТРЫШЕВ

Русская история (Алгоритм)

Михаил Вострышев

**Русский Гамлет.
Трагическая история Павла I**

«Алисторус»

2021

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Вострышев М. И.

Русский Гамлет. Трагическая история Павла I /
М. И. Вострышев — «Алисторус», 2021 — (Русская история
(Алгоритм))

ISBN 978-5-00180-288-4

Одна из самых трагических страниц русской истории – взаимоотношения между императрицей Екатериной II и ее единственным сыном Павлом, который, вопреки желанию матери, пришел к власти после ее смерти. Но недолго ему пришлось царствовать (1796–1801), и его государственные реформы вызвали гнев и возмущение правящей элиты. Павла одни называли Русским Гамлетом, другие первым и единственным антидворянским царем, третьи – сумасшедшим маньяком. О трагической судьбе этой незаурядной личности историки в России молчали более ста лет после цареубийства. Но и позже, в XX веке, о деятельности императора Павла I говорили крайне однобоко, более полагаясь на легенды, чем на исторические факты. В книге Михаила Вострышева, основанной на подлинных фактах, дается многогранный портрет самого загадочного русского императора, не понятого ни современниками, ни потомками. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-00180-288-4

© Вострышев М. И., 2021

© Алисторус, 2021

Содержание

Детские годы	7
Наследник престола	11
Верный друг – жена	19
Горе и новое счастье	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Иванович Вострышев
Русский Гамлет
Трагическая история Павла I

© Вострышев М.И., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Детские годы

В Петербурге 21 августа 1745 года совершилось бракосочетание наследника российского престола великого князя Петра Федоровича с великой княгиней Екатериной Алексеевной, урожденной принцессой Софией Фредерикой Ангальт-Цербстской.

Лишь после девяти лет замужества, 20 сентября 1754 года, у Екатерины родился первенец. Бабка, императрица Елизавета Петровна, забрала грудного малыша от матери и нарекла Павлом: мол, отец мой Петр Великий, и хочу внука кликать Павлом, затем, что у Бога апостолы Петр и Павел всегда рядышком.

Радость охватила весь двор – кончатся отныне дворцовые перевороты, не прольется кровь, когда придет черед сменить старую императрицу – на престол сядет ее племянник Петр Федорович, а следом его сын Павел Петрович. Одну лишь великую княгиню Екатерину Алексеевну душила тоска – она виделась с сыном лишь мельком, украдкой. Мать с ужасом узнавала, что няни и мамушки кутают ее малыша до семи потов, кормят словно на убой, бьют ему низкие поклоны и страшат рассказами про домовых и привидения.

В течение полугода, до начала Великого поста 1755 года, не утихали придворные празднества по случаю появления на свет будущего императора. Виновник же торжеств большей частью почивал в покоях Елизаветы Петровны, окруженный ее заботой и любовью. Спустя многие годы обида матери, что у нее с первых дней забрали сына, не забылась, и она вспоминала, что «излишними заботами ребенка буквально душили. Его поместили в чрезвычайно жаркой комнате, в фланелевых пеленках, в колыбели, обитой мехом черных лисиц. Покрывали его стеганым на вате атласным одеялом, сверх которого постилали другое одеяло из розового бархата, подбитого мехом черных лисиц. Впоследствии я сама много раз видела его таким образом уложенного. Пот выступал у него по лицу и по всему телу, вследствие чего, когда он несколько подрос, то малейшее дуновение воздуха причиняло ему простуду и делало его больным. Кроме того, он окружен был множеством старушек, лишенных всякого смысла, которые своим неуместным усердием причиняли ему несравненно более физического и нравственного зла, нежели добра».

Великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна

Матери приходилось тайком расспрашивать прислугу императрицы о собственном ребенке. Лишь в самом конце царствования Елизаветы Петровны ей позволили видаться с ним один раз в неделю. Отец же, великий князь Петр Федорович, всегда был равнодушен и к жене, и к сыну.

Родившейся 9 декабря 1757 году великой княгиней Анной, сестрой Павла Петровича, тоже с первых дней завладела Елизавета Петровна. Но чрезмерная забота императрицы о малышке не пошла ей на пользу, и спустя шестнадцать месяцев Анна умерла.

Удаление от собственных детей и вынужденное безделье развили в Екатерине Алексеевне честолюбивые мечты о политическом поприще. Она грезилась российской короной, для чего занялась своим просвещением и особенно много времени уделяла с трудом постигаемому русскому языку.

Великий князь Павел Петрович, от рождения нервный ребенок, лишенный материнской ласки и отцовской дружбы, рос в ненормальных условиях. Многочисленная челядь, вертевшаяся вокруг него, не могла заменить родителей и своей назойливостью и ханжеством только раздражала мальчика. Он рос испуганным; стоило лишь хлопнуть дверью, чтобы загнать его под стол. Несмотря на это, в докладных записках лейб-медик Павел Захарович Кондоиди уверял императрицу, что «благоверного нашего государя великого князя Павла Петровича вседрожающее здоровье, Господу споспешествующему за молитвами вашего императорского величества, продолжается саможелательно и во всем благополучно».

На пятом году жизни воспитание великого князя было поручено бывшему поверенному при версальском дворе церемониймейстеру Федору Дмитриевичу Бехтереву (умер в 1761 году), который приказал одевать Павла Петровича, как взрослого – в кафтан и парик, и начал учить его грамоте. Мальчика уверяли, что о его поведении и учебе рассылают особую газету, и он должен стараться, чтобы не ударить лицом в грязь перед королевскими дворами Европы.

Получившему начатки знаний великому князю 29 июня 1760 года для получения глубокого образования назначили нового главного воспитателя – генерал-поручика и камергера (с 1767 года графа) Никиту Ивановича Панина (1718–1783). Он был добрый, с небольшой лентой, просвещенный вельможа, который, в отличие от большинства придворной знати, горячо любил Россию. Многие годы Панин нес дипломатическую службу за границей, где преуспел в изучении наук и изящных манер, к тому же был честным независимым человеком, благодаря чему мог без предубеждения относиться к своему воспитаннику.

Первым делом Никита Иванович, невзирая на слезы великого князя, удалил от него многочисленных нянюшек и дядюшек – людей безграмотных, завистливых и льстивых. Следующим шагом было приучение воспитанника общаться в среде придворных дам и кавалеров, для чего их стали приглашать к Павлу Петровичу обедать, танцевать и развлекаться. Правда, самое любимое развлечение великого князя – заставлять лакеев маршировать по комнате – Панин категорически запретил.

В записке о воспитании своего подопечного, которую одобрила императрица Елизавета Петровна, Панин указывал: «По моему слабому понятию, в настоящем нежном детстве его императорского высочества должно наипаче поспешествовать плодам научения закона, ограждением его добрыми нравами, нравоучительным просвещением в нем произрастающих мыслей и рассуждений, к чему особливо математические понятия полезны, ибо они, очищая рассудок, больше приучают к основанию правды, нежели все другие основания разума. Но дабы неуважательную поспешностью не изнурить или не отяготить нежные органы его императорского высочества, то надлежит все умеривать его летами и оказывающимися сорожденными способностями, так чтобы вначале все обучения не прямою наукою, но больше наставлениями производимы были. Тоже разумеется и о всех других, как о нужных, так и о украшающих разум любопытных науках и знаниях. Между первыми, где гистория будучи по справедливости почитаема лучшим руководством для тех, кои рождены к общему благополучию, и потому она достойна особенного места в сем воспитании и начаться должна без упущения времени нарочными краткими и внятными сочинениями, предпочтительно о своем отечестве...»¹

Далее Панин предлагает обучать на первых порах великого князя изящной речи, «чтоб его высочество не привыкало к употреблению подлых наречий и слов», французскому и немец-

¹ То есть история.

кому языкам, танцам, рисованию и кавалерийским *экзерцициям*, что по-нынешнему называется конным спортом.

Елизавета Петровна скончалась 25 декабря 1761 года, когда Павлу Петровичу шел восьмой год. Он вышел из заточения в бабушкиных комнатах и ждал материнской любви. Увы, мать отвыкла от сына. На трон по завещанию императрицы вступил ее племянник, отец Павла Петровича – Петр III. Наконец сбылись грезы Екатерины Алексеевны – она стала супругой всемогущего российского монарха. Увы, ее положение при дворе не намного улучшилось, ибо муж ее открыто презирал. Но недаром его лукавая женушка уже шестнадцатый год жила в России – она доподлинно знала, кому в этой стране принадлежит реальная власть и умела подольститься к сильным мира сего.

Петр III, как нарочно, делал все возможное, чтобы разжечь к себе нелюбовь подданных. В храмах он кривлялся, царский дворец превратил в кабак, окружил себя непотребными людишками да иноземцами, живущими не по православному, а по Лютеру. Смекалки хватило лишь на то, чтобы бросить кость дворянам – 18 февраля 1862 года появился манифест, отменивший их обязательную воинскую службу. Следом, 21 февраля, новый император подписал самый гуманный указ XVIII века – об уничтожении Тайной канцелярии с ее повседневными доносами, пытками и казнями. Но последовавшие позже указы и распоряжения, особенно направленные против православного духовенства, вызвали уже не восторг, а ропот. Полностью же себя осрамил государь, когда ни с того ни с сего подарил Пруссии земли, завоеванные русской кровью. Не последнее место в копившейся злобе его русских подданных заняло пренебрежительное отношение к жене и сыну. Хотя Петр III по натуре не был злым человеком, скорее даже добрым, но его характер портило легкомысленное отношение к жизни и государственному служению. Однажды, когда сын попался ему на глаза, император даже поцеловал его. При этом сказал: «Из него со временем выйдет добрый мальчик. Пусть пока он остается под прежним надзором, но я скоро сделаю другое распоряжение и постараюсь, чтобы он получил иное, лучшее воспитание, военное вместо женского».

Не успел...

Наследник престола

Когда Петр III пьянствовал в Ораниенбауме и Петергофе, обиженная им гвардия низложила его и провозгласила самодержицей очаровавшую обещаниями привилегированные петербургские полки Екатерину Алексеевну. В знаменательный день 28 июня 1762 года она вышла на балкон Зимнего дворца, держа за руку наследника цесаревича Павла Петровича, как бы давая этим понять, что теперь не придется гадать, кто будет править вместе с нею и после нее. Тотчас Екатерина Алексеевна во главе гвардейских войск выступила в Петергоф, где веселился свергнутый император, оставив Сенату «с полной доверенностью под стражу отечество, народ и сына своего».

Петр III, завидев воинскую силу, безропотно отрекся от престола, был взят под стражу и заточен в крепость Ропшу. Здесь его спустя несколько дней тайно и без шума удавили. Народу же объявили, что бывший император «впал в преестокую колику» (боли в животе), отчего и скончался. Конечно, до придворных и даже до малолетнего Павла Петровича скоро дошли слухи об истинных подробностях смерти отца. Между сыном и матерью пролегла первая незримая тень, наложившая печать на все их дальнейшие взаимоотношения. Поверенный в делах Франции Беранже сообщает из России 31 июля 1764 года герцогу Праслину подробности об опасных наклонностях 9-летнего великого князя, что он «спрашивал одного из камердинеров, почему умертвили его отца, и почему мать возвели на принадлежащий ему по праву престол. Он прибавил также, что когда вырастет, то сумеет потребовать обо всем этом отчет. Этот ребенок слишком часто позволяет себе подобные высказывания, и о них, конечно, было доложено императрице».

Хотя молодая императрица, робевшая перед Паниным, не вмешивалась в воспитание сына, она настояла поручить доктору Крузе исследовать нервное здоровье наследника. Прондираясь через чащу старинных медицинских терминов его записей, можно лишь с уверенностью сказать, что нервными припадками великий князь страдал с рождения.

Торжество коронации Екатерины II состоялось в Москве 22 сентября 1762 года, а 1 октября Павел Петрович тяжело заболел, и его жизнь более недели находилась под угрозой. Все эти дни мать не отходила от сына ни на шаг, боясь, может быть, не столько за него, сколько за себя. Она чувствовала, что многие видят в ней самодержавную правительницу только из-за наследника. К тому же поползли слухи, что, мол, она сначала убила мужа, а теперь взялась за сына. Но, наконец, Павел Петрович встал с постели. В честь его выздоровления в Москве устроили веселые торжества, заложили здание Павловской больницы и выбили медаль с профилем цесаревича и надписью: «Свобождаяся сам от болезни о больных помышляет».

Обучение наследника после воцарения матери стало более напряженным и обширным. Внятную характеристику его главному воспитателю и методам воспитания дает князь П.А. Вяземский: «Воспитатель молодого великого князя, Панин, всецело оставаясь, как он был, дипломатом и министром иностранных дел, не только руководился в области политики русскими стремлениями и началами, но он был чисто русский, с ног до головы. Ум его напитан был народными, историческим и литературными преданиями. Ничто, касавшееся России, не оставалось для него чуждым или безразличным. Поэтому-то он любил свою страну не тою тепловатой любовью, не тем корыстным и эгоистическим инстинктом человека, занимающего видное место и любящего свое отечество, потому что он любит власть, но он любил Россию той пламенной и животворной преданностью, которая возможна лишь тогда, когда человек привязан к своей родине всеми узами, всем сродством, порождающими общность интересов и симпатий; общность, в которой выливаются в одной и той же любви прошедшее, настоящее и будущее отечества. Только тогда можно любить и хорошо служить своей стране и своему народу, сознавая в тоже время их недостатки, странности и пороки и борясь против них всеми

своими силами и всеми имеющимися в распоряжении средствами. Всякая другая любовь – любовь слепая, бесплодная, безрассудная и даже пагубная.

Что касается до воспитания молодого князя, то можно заметить, что...

1. Он был воспитан в среде общественной и умственной, быть может, немного не по возрасту для него, но, во всяком случае, в среде, способной развить его ум, просветить его душу и дать ему серьезное практическое и вполне национальное направление, знакомившее его с лучшими людьми страны, ставившее в соприкосновение со всеми дарованиями и выдающимися талантами эпохи. Одним словом, в среде, способной привязать его ко всем нравственным силам страны, в которой он будет некогда государем.

Разговоры, которые велись у него за столом и в его присутствии, быть может, неуместные и чересчур эксцентричные, были, однако, вообще поучительны и привлекательны. Они отличались большой свободой ума и откровенностью мнений, что должно было возбуждать и укреплять суждения молодого великого князя, и приучать его выслушивать и уважать правду. Это общество – нужно принять это особенно во внимание – не состояло из недовольных и лиц оппозиции, а напротив того, состояло из людей, горячо преданных своей государыне и своему отечеству. Поэтому-то они и позволяли себе свободно выражаться, и не боялись скомпрометировать себя и повредить делу монархии, порицая то, что им казалось достойным порицания и противным истинным пользам родины, которую они любили прежде всего.

2. Военный элемент не преобладал в воспитании и среди лиц, окружавших юного великого князя. Военные упражнения не отвлекали его от занятий. Его не приучали быть прежде всего военным. Конечно, будущий монарх такого великого государства, как Россия, не мог оставаться чуждым того, что должно отчасти составлять силу и безопасность государства. Но его обучали военному делу с высшей точки зрения, а не погружали в мельчайшие практические подробности, которые только могли бы сбить и ложно направить ум ребенка. Ему отнюдь не вменяли в важнейшие и первейшие обязанности то, что на самом деле для него было бы ничем иным, как забавою, и неизбежно должно было бы отвлечь его от занятий более серьезных и помешало бы приготовиться к исполнению несравненно более суровых и священных обязанностей.

3. Религиозное воспитание великого князя было особенно тщательно. Кроме своих уроков, архимандрит Платон, бывший впоследствии украшением нашей Церкви, занимался каждое воскресенье и каждый праздник благочестивым чтением с учеником своим. Он был допущен в его общество и часто обедал у него, вследствие чего отношения великого князя к своему законоучителю и духовнику были не только в известных случаях духовные, а в других официальные, но постоянно и вне духовно-служебных обязанностей имели характер душевный. Платон говорил проповеди при дворе. Истины, которые он высказывал во имя слова Божия, имели самое лучшее и благотворное влияние на ум юного великого князя и на весь двор».²

Излишняя откровенность Панина с воспитанником оказала великому князю, кроме нужных познаний, и медвежью услугу. В мальчике росло убеждение, что отец пострадал несправедливо, а мать похитила его власть, которая по дедовским обычаям и допетровским законам должна была переходить от отца к старшему сыну. Но даже по изменениям Петра I к закону о престолонаследии, Екатерина Алексеевна могла воссесть на царский трон только по завещанию императора Петра III, чего, конечно же, никогда бы не случилось. И эти чувства, посеянные в душе мальчика воспитателем, великому князю пришлось таить в себе тридцать с лишним лет!

Среди других наставников Павла Петровича следует выделить Семена Андреевича Порошина. Он состоял при наследнике престола с середины 1762 года. В 1768 году, вследствие дворцовых интриг, он был удален от двора, получил в командование пехотный полк и скоро-

² Митрополит Московский Платон (Левшин, 1737–1812).

постижно скончался 12 сентября 1769 года, на 29-м году жизни. По поводу его преждевременной кончины историк С.М. Соловьев заметил: «Исчез один из самых светлых русских образов второй половины XVIII века, начато было хорошее слово, хорошее дело и порвано в самом начале».

Хорошее слово – это дневник Порошина о своей службе при Павле Петровиче, хорошее дело – обучение великого князя.

Чтобы понять и объяснить порою странные и непоследовательные поступки и приказы сорокадвухлетнего императора Павла I, нужно внимательно вчитаться в слова сдержанного и наблюдательного Порошина, посвященные десятилетнему цесаревичу.

«Давно уже, давно, т. е. в 1762 году представлялось ему, что двести человек дворян набрано, кои все служили на конях. В сем корпусе был он в воображении своем сперва ефрейт-капралом, потом вахмистром, и оную должность отправлял еще в то время, как мы отсюда в оном годе в Москву ехали. Вот как мы издалека взяли историю воображения его высочества! Из оного корпуса сделался пехотный корпус в шестистах, потом в семистах человек. В оном его высочество был будто прапорщик. Сей корпус превратился в полк дворян, из 12000 человек состоящий. Тут его высочество был поручиком и на ординации у генерала князя Александра Голицына. Отселе попал он в гвардию, в Измайловский полк, в сержанты, и был при турецком посланнике. Потом очутился в сухопутном кадетском корпусе кадетом. Оттуда выпущен в Новгородский карабинерный полк поручиком, а теперь в том же полку ротмистром. Таким образом, его высочество, в воображении своем переходя из состояния в состояние, отправляет разные должности, и тем в праздное время себя иногда забавляет».

Павел Петрович составлял списки всех войск, в которых воображал себя на службе, назначал туда полковников из числа офицеров, которых знал лично, а Порошина над всем «оным в воображении пребывающим войском изволил учредить шефом».

Под обаянием обычаев рыцарской чести, вычитанных в «Истории об ордене мальтийских кавалеров», он мечтал сам стать мальтийским кавалером или посланником на Мальте. Благодаря необыкновенной силе воображения, переносившей его в любое время в воображаемый мир, великий князь легче уживался с повседневной тусклой реальностью.

Подобно большинству исключительно впечатлительным натурам, Павел Петрович легко привязывался к людям, но и быстро остывал почти ко всем новым друзьям. «Его высочество, – записывает Порошин, – будучи живого сложения и имея начеловеколюбнейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, который ему понравится. Но как никакие усиленные движения долго продолжаться не могут, если побуждающей какой силы при том не будет, то и в сем случае она крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имел счастье полюбить. Словом сказать, гораздо легче его высочеству вдруг весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него дружбу и милость».

Впечатлительностью и неверием в то, что люди могут вымолвить заведомую ложь, следует объяснить легкое согласие Павла Петровича с чужим мнением. (Даже став императором, Павел I так и не научился лгать, чем резко отличался от своих предшественниц на царском троне.)

«Примечу, – записывает Порошин, – что часто на его высочество имеют великое действие разговоры, касающиеся до какого-нибудь отсутствующего, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдал я, что когда при нем говорят что в пользу или похвалу какого-нибудь человека, такого человека после увидя, его высочество особливо склонен к нему является. Когда же, напротив того, говорят о ком невыгодно и хулительно, а особливо не прямо к его высочеству с речью адресуясь, но будто в разговоре мимоходом, то такого государь великий князь после увидя, холоден к нему кажется».

Во всех действиях цесаревича, подмечал Порошин, замечалась нервная торопливость. Он спешил раздеться, чтобы лечь спать, поспешно усаживался за стол и наскоро проглатывал пищу, быстро ходил, а когда им овладевало какое-либо желание, старался исполнить его моментально, без рассуждений. Оттого и в характере его свили себе гнездо нетерпение и скоропалительная мелочная обида.

«За столом особое сделалось приключение, – замечает наблюдательный Порошин. – Его высочество попросил с одного блюда себе кушать. Никита Иванович отказал ему. Досадно то показалось великому князю, рассердился он и, положив ложку, отворотился от Никиты Ивановича. Его превосходительство в наказание за сию неучтивость и за сие упрямство вывел великого князя из-за стола во внутренние его покои и приказал, чтобы он оставался там с дежурными кавалерами. Пожуря за то его высочество, пошел Никита Иванович опять за стол, и там несколько еще времени сидели. Государь цесаревич, между тем, плакал и негодовал».

К этим характеристикам можно добавить, что по ним нельзя определить, вырастит ли из мальчика талантливый государственный деятель или никчемный неврастеник. Зато из следующей сцены можно заключить, что уже с детства в характере Павла Петровича таились зачатки по-настоящему здравомыслящего человека.

Как-то утром великий князь пожелал надеть свой зеленый бархатный кафтан. Камердинер доложил, что кафтан уже стар, и не прикажет ли его высочество принести другой, новый. Но Павел Петрович гневно выслал его из комнаты, приказав не перечить, а исполнять приказание.

– А ведь Карла XII мы за упрямство не любим, – заметил находившийся тут Порошин. – Вы приказали, забыв, что кафтан стар. А, когда вам подсказали, отчего бы не переменить своего мнения?

Павел Петрович смутился, велел крикнуть камердинера и сказал, что он прав – зеленый кафтан стар, пусть дадут поновее.

«Из сей поступки, – заключает Порошин, – сделал я наблюдение, что очень возможно исправлять в его высочестве случающиеся иногда за ним погрешности и склонить его к познанию доброго. Надобно знать только, как за то браться».

Если характер великого князя со временем мог претерпеть изменения к лучшему (чего, впрочем, не произошло), то в уме и остроумии десятилетнего Павла Петровича сомневаться не приходится.

Однажды Никита Иванович Панин спросил великого князя:

– Как вы думаете, лучше повелевать или повиноваться?

– Все свое время имеет. В иное лучше повелевать, в иное – повиноваться. – И добавил: – Мне кажется, кто не умеет повиноваться, не умеет и повелевать.

В другой раз великий князь участвовал в генеральной репетиции балета, который ставили на дворцовой сцене под руководством танцовщика Гранже. Не успел Павел Петрович выйти на сцену, как ему принялись хлопать. Августейший танцор оробел и сбился с такта, из-за чего пришлось повторить сцену. После представления великий князь добродушно посетовал:

– Не успел я выйти, уже аплодируют. То-то уж настоящие персики. Ой, двор, двор!

Когда было получено сообщение о кончине австрийского императора, за обедом стали сочувствовать великому князю, имевшего титул тамошнего принца, и выражать надежду, что новый император проявит благосклонность к нему.

– Что вы ко мне пристали? – возмутился Павел Петрович. – Какой я немецкий принц? Я – великий князь российский!

Судя по приведенным Порошиним фактам из жизни великого князя, Россия должна была обрести в будущем блистательного императора. Лев Толстой, познакомившись с порошинскими записками, назвал их драгоценнейшей книгой и решил серьезно заняться изучением жизни императора Павла I. «Я нашел своего исторического героя – писал он о своем

новом литературном замысле П.И. Бартенева. – И ежели бы Бог дал жизни, досуга и сил, я бы попробовал написать его историю».

К сожалению, великий писатель не осуществил своего намерения. А большинство историков, в угоду то ли времени, то ли властям, а может быть, и просто по недомыслию, перевозносили и продолжают перевозносить по сей день Екатерину II, очерняя при этом сложный и привлекательный образ Павла I.

Когда Екатерина II путешествовала по Прибалтийскому краю, поручик Мирович пытался освободить свергнутого с царского престола и томившегося с 1741 года в Шлиссельбургской крепости императора Ивана VI. Но тюремщики успели исполнить приказ здравствующей императрицы и умертвили ни в чем, кроме своего высокородного рождения, неповинного узника. Императрица отнеслась спокойно к этой трагедии, продолжала веселиться на балах, а по возвращению в Петербург казнила Мировича, а тело его сожгли «купно с эшафотом».

Совсем по иному отнесся к злему делу впечатлительный великий князь. «Всякое внезапное или чрезвычайное происшествие весьма трогает его высочество, – записывает Порошин. – В таком случае живое воображение и ночью не дает ему покою. Когда о совершившейся 15 числа сего месяца над бунтовщиком Мировичем казни изволили его высочество услышать, также опочивал ночью весьма худо».³

Понятно, что в записках, которые Порошин не скрывал от других, он не смел ни слова сказать об отношении своего воспитанника к убийству Ивана VI. Но нетрудно догадаться, что оно произвело на цесаревича еще большее впечатление, чем казнь Мировича.

Обучение Павла Петровича чередовалось с играми в шахматы, бильярд, волан (перебрасывание ракетками пробкового полшарика с перьями). Всеми этими играми не брезговали при дворе даже седовласые первые сановники. Немалое значение в воспитании имели частые спектакли на придворной сцене, где ставились балеты, комические оперы и драмы. Павел Петрович сам нередко выходил на сцену и даже пробовал свои силы в сочинении шуточной трагедии, среди персонажей которой были его собаки Султан и Филидор.

Подмечал высокороденный мальчик и фривольные нравы двора. Как-то, шутя, после обеда один из вельмож заметил, цесаревичу скоро настанет пора жениться. Он покраснел от стыдливости и, сильно волнуясь, выпалил:

– Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревновать буду. Рог мне иметь крайне не хочется.

Влюбляться в барышень великий князь начал лет с одиннадцати, танцевать приглашал самых хорошеньких и тщательно следил, чтобы его букли, чулки и кафтан выглядели франтовато.

«За чаем, – рассказывает Порошин, – изволил разговаривать со мною о вчерашнем маскараде, и сказывал мне, между прочим, какие у него были разговоры с Верой Николаевной. Он называл ее вчерась червонной десяткой, подавая тем знать, что она многим отдает свое сердце. Она говорила, что одно только имеет и, следовательно, дать его не может более, как одному. Государь цесаревич спрашивал у нее: “Отдано ли сие сердце кому или нет?” И как она сказала, что отдано, то еще изволил спрашивать, что если бы он ее кругом обошел, то нашел бы ее сердце? Она говорила, что оно так к нему близко, что и обойти нельзя».

Как и большинство мальчиков, Павел Петрович любил играть в войну. Но если обыкновенный ребенок скакал по лужам верхом на палке, воображая себя полководцем, то великий князь ездил в Красное Село смотреть парады войск и, получая знаки почтения от военных, реально ощущал себя полководцем.

Биографы обвиняют его в излишней склонности с юных лет к военному делу, строевому шагу, армейскому мундиру. Но он не был исключением, еще Петр I посвящал весь свой дет-

³ 15 сентября 1764 г.

ский досуг маневрам и стрельбе во главе своего потешного войска. Почти все мужчины Дома Романовых, вплоть до падения монархии в 1917 году, даже в зрелом возрасте не переставали играть в солдатики, только не в оловянных, а вполне живых. Для этого в Петербурге существовали гвардейские полки, которые не столько обучались военному делу, сколько «военному балету» – умению красоваться на бесчисленных парадах.

В 1767 году императрица отправилась в поездку по Волге и взяла с собой сына, мечтавшего проплыть до Астрахани на галере. Но не успели, пока еще посуху, добраться до Москвы, как Павел Петрович тяжело заболел, и мать отправилась в плавание без него. Горю наследника не было придела. Хорошо, что оно быстро иссякает, пока ты молод и полон грез.

Известный английский доктор Димедаль, прививший оспу императрице и ее сыну, писал в воспоминаниях: «Цесаревич и великий князь, единственный сын ее величества, росту среднего, имеет прекрасные черты лица и очень хорошо сложен. Его телосложение нежное, что происходит, как я полагаю, от сильной любви к нему и излишних о нем попечений со стороны тех, которые имели надзор над первыми годами наследника и надежды России. Несмотря на это, он очень ловок, силен и крепок, приветлив, весел и очень рассудителен, что нетрудно заметить из его разговоров, в которых очень много остроумия».

Императрица Елизавета Петровна

Несмотря на отменное здоровье, в июне 1771 года великий князь слег в постель с сильной горячкой. «Слух о павловой болезни еще в самом начале ее, – сообщает современник, – подобно пламени лютого пожара, из единого дома в другой пронесся мгновенно. В единый час ощутили все душевное уныние».

Если не двор, видевший залог своего благосостояния исключительно в императрице, то все остальное население Петербурга и Москвы в страхе ждали исхода схватки со смертью цесаревича. Но его крепкое здоровье справилось с болезнью, что послужило поводом к всенародному ликованию.

«Настал конец страданию нашему, о, россияне! – восклицал известный литератор Д.И. Фонвизин. – Исчез страх, и восхищается дух веселием. Се Павел, отечества надежда, драгоценный и единый залог нашего спокойствия, является очам нашим, исшедши из опасности жизни своея, ко оживлению нашему. Боже сердцедец! зри слезы, извлеченные благодарностию за Твое к нам милосердие. А ты, великий князь, зри слезы радости, из очей наших льющиеся».

Характеризуя далее наследника престола, Фонвизин указывает, что «кротость нрава ни на единый миг не прерывалась лютостью болезни. Каждый знак воли его, каждое слово изъявляло доброту его сердца. Да не исходя вечно из памяти россиян сии его слова, исшедшие из сердца и прерываемые скорбью. Мне то мучительно, говорил он, что народ беспокоится сею болезнию. Таковое к народу его чувство есть неложное предзнаменование блаженства россиян и в позднейшие времена».

Конечно, панегирики XVIII века – ненадежный документ. Их цель – невзирая на правду жизни, восторгаться высокорожденной особой. Но все же кое-какую информацию из панегирика Фонвизина можно выудить: он упорно повторяет о присущей великому князю доброте.

Рано узнав об убийстве отца и случившейся день в день два года спустя «шлиссельбургской нелепы» – кровавой расправы в каземате с императором Иоанном VI, Павел Петрович стал опасаться покушения на свою жизнь. Почти каждую ночь в его болезненном мозгу рисовались жуткие картины резни, пыток. Он начал замечать за собой, что внезапно впадает в гнев, в животную трусливость, как, впрочем, в иные часы и в бесшабашную храбрость, беспредельные кротость и доброту. Он пытался невзначай выяснить – случается ли подобное с другими? Но взрослые отшучивались, не желая вспоминать свои юные годы, сверстники сторонились наследника, а книги молчали. Павел Петрович решил, что его странности исключительны, и с годами все больше и больше сторонился *нормальных* людей, замыкался в себе.

Тем временем венценосная мать занималась войнами, составлением законов, перепиской с философами, веселыми празднествами и влюбленными в нее офицерами. Сын был помехой, умалением славы, живым укором, и государыня милостиво прощала вельмож, научившихся открыто презирать и ловко оскорблять наследника.

Высшие сановники, купавшиеся в роскоши и веселье, дарованных им Екатериной, с самодовольным презрением слушали рассказы о бедности и аскетизме двора наследника престола. Они смеялись над тем, что Павел просится на войну, а мать не пускает его, что она не дает сыну и сотой доли тех денег, которыми ссужает побывавших в ее постели Станислава Понятовского, Григория Орлова, Александра Васильчикова, Григория Потемкина, Петра Завадовского, Семена Зорича, Ивана Римского-Корсакова, Александра Ланского, Александра Ермолова, Александра Дмитриева-Мамонова, Платона Зубова.

Смеялись, что, несмотря ни на что, наследник оставался послушным сыном и, как ребенок, шалел от счастья, если мать его ненароком похвалит.

Смеялись опале и гонениям, как из рога изобилия сыпавшимся на придворных, осмелившихся стать друзьями Павла Петровича.

Смеялись над страстью наследника к военной муштре и солдафонским манерам, над нежеланием познавать иных женщин, кроме жены, над фантазиями, подчас выдаваемыми им за действительность.

Смеялись над его горячностью, испуганными порывами, пылкими признаниями и по-детски наивными, искренними поступками.

Смеялись, наконец, над его мыслями, словами, делами, над курносим носом, нарочитой царственной осанкой, военной походкой.

Смеялись в лицо и за спиной.

Верный друг – жена

В день 20 сентября 1772 года Павлу Петровичу исполнилось восемнадцать лет. Многие думали, что отныне управление государством полностью или хотя бы частично перейдет к тому, кому царский трон принадлежит по праву рождения и по допетровским законам престолонаследия. Но мать и ее окружение не собирались делиться властью с кем бы то ни было. Поэтому день совершеннолетия цесаревича прошел незаметно, без торжеств, наград и назначений. Ожидали переворота, бунта. Но великий князь не только не стал застрельщиком в дворцовых интригах, но продолжал испытывать уважительные и даже нежные чувства к матери.

«Во вторник я возвращаюсь в город с моим сыном, – пишет Екатерина 24 августа 1772 года госпоже Бьельке, – который не хочет уже оставлять меня ни на шаг, и которого я имею честь так хорошо забавлять, что он за столом иногда переменяет записки, чтобы сидеть со мною рядом».

Вскоре, однако, началось очередное охлаждение между матерью и сыном из-за его ненависти к ее фавориту графу Г.Г. Орлову. Екатерина, приметив это, не только не отдала от себя графа, но даже потакала его оскорбительным выходкам по отношению к великому князю.

Павел Петрович все больше замыкался в себе, болезненно переживая равнодушие матери, насмешки близких к ней вельмож и отсутствие верных друзей. Он становился мнительным и печальным; всюду искал любви, сердечности, привязанности, а наткнулся на холодное презрение или лицемерие. Одиночество пугало, но ничего иного для него не оставалось. И если возле Павла Петровича появлялся, на его взгляд, искренний человек, он готов был без размышления броситься к нему на шею.

«Дружба наша, – признавался цесаревич в письме графу А.К. Разумовскому, – произвела во мне чудо. Я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности. Но вы должны продолжать быть настойчивыми по отношению ко мне, потому что вам приходится действовать против десятилетней привычки и вести борьбу против того, что боязливость и обычное стеснение вкоренили во мне».

Шекспировский принц Гамлет почувствовал страх, что после убийства отца он стал в королевстве второстепенным, никому не нужным человеком. После долгий раздумий Гамлет решил вступить на путь борьбы если не за свои права, то хотя бы против коварством добившегося величия отчима. Гамлета спасало то, что трагедию жизни он ощутил уже будучи взрослым юношей, и, значит, умевшим думать не только сердцем, но и разумом. Великий князь Павел Петрович с семилетнего возраста жил с гамлетовским комплексом. И мать, наконец, поняла, что надо дать ему что-то взамен трона, чем-то заинтересовать его. И она решила: женой! После долгих раздумий императрица остановила свой выбор на семействе ландграфа Людвиг Гессен-Дармштадтского и, списавшись, послала за ними особую эскадру.

Павел Петрович считался завидным женихом не только благодаря своему титулу наследника российского трона. «Великому князю есть, чем заставить полюбить себя молодой особой другого пола, – пишет в середине 1773 года граф Сольмс своему другу Ассебургу. – Не будучи большого роста, он красив лицом, безукоризненно хорошо сложен, приятен в разговоре и в обхождении, мягок, в высшей степени вежлив, предупредителен и веселого нрава. В этом красивом теле обитает душа прекраснейшая, честнейшая, великодушнейшая, и в тоже время чистейшая и невиннейшая, знающая зло лишь с дурной стороны, знающая его лишь настолько, чтобы преисполниться решимости избегать его для себя самой и чтобы порицать его в других. Одним словом, нельзя в достаточной степени нахвалиться великим князем, и да сохранит в нем Бог те же чувства, которые он питает теперь».

Ландграфиня Гессен-Дармштадтская в сопровождении трех дочерей – Амалии, Вильгельмины и Луизы – прибыла в Гатчину 15 июня 1773 года, и оттуда перебралась на времен-

ное жительство в Царское Село. Павел Петрович при первой же встрече выбрал принцессу Вильгельмину. Брака с нею желал и его воспитатель граф Н.И. Панин, и, главное, германский император Фридрих Великий, мечтавший о крепкой дружбе с Россией.

«Удовольствия, танцы, наряды, общество подруг, игры, наконец, все, что обыкновенно возбуждает живость страстей, не затрагивает ее, – характеризовал Вильгельмину Ассебург. – Среди всех этих удовольствий принцесса остается сосредоточенной в самой себе и, когда принимает в них участие, то дает понять, что делает это более из угождения, чем по склонности. Есть ли это нечувствительность или руководит ею в этом случае боязнь показаться ребенком? Не знаю, что сказать, и простодушно признаюсь, что основные черты этого характера для меня еще покрыты завесой. Никто на нее не жалуется, ей оказывают такое же доверие, как принцессам – ее сестрам. Ландграфиня отличает ее, наставники выхваляют способности ее ума и обходительность нрава. Она не выказывает капризов, она, хотя холодна, но равна со всеми, и ни один из ее поступков еще не опровергнул моего мнения, что сердце ее чисто, сдержанно и добродетельно, но что его поработило честолюбие».

После миропомазания 15 августа 1773 года принцессу нарекли Натальей Алексеевной, и бракосочетание состоялось 29 сентября того же года в Казанском соборе.

«Почитая по справедливости и по всесветному обыкновению воспитание великого князя тем само собою оконченным», императрица, наконец, смогла удалить от сына его обер-гофмейстера графа Н.И. Панина, про которого знала от приближенных, что он ждет передачи Павлу Петровичу от нее царского престола или, по крайней мере, допущению его к управлению государством.

Радостные свадебные торжества длились две недели, конец которых омрачило известие о появившемся мятежнике Пугачеве, назвавшем себя Петром III, будто бы уцелевшим и решившим вернуть себе незаконно похищенную женой царскую корону. Придворные бросали любопытные взгляды на Павла Петровича: он-то что думает о появлении самозванного отца?

Но наследник российского престола в эти страдные для отечества дни был полностью равнодушен к государственным делам и благу отечества. Он находился наверху блаженства, обретя в жене верного друга, которому можно поверять свои тайны, мечты и разочарования.

Императрица, довольная, что ее сын не помышляет о власти, всецело погрузившись в радости семейной жизни, на все лады расхваливала невестку: «Я обязана великой княгине возвращением мне сына, и отныне всю жизнь употреблю на то, чтоб отплатить ей за услугу»; «Эта молодая принцесса наделена прекрасными качествами, я ею крайне довольна, муж ее обожает, и все ее любят».

Присматривать за молодыми Екатерина приставила, вместо своевольного графа Н.И. Панина, своего верного слугу и фискала генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова (1736–1816) – приветливого и набожного вельможу, твердо знавшего придворную науку и умевшего в нужный момент быть мстительным.

«Он будет представлять вам иностранцев и других лиц, – писала о новом назначении мать сыну, – он будет заведовать вашим столом и прислугою, смотреть за порядком и внешностью, требующейся при дворе. Это человек, преисполненный честности и кротости, которым были довольны везде, где он был употребляем, поэтому я не сомневаюсь, что вы поладите, и что он поведением своим постарается заслужить ваше благорасположение, которое прошу вас ему оказывать».

Ваши поступки очень невинны, я это знаю и убеждена в том. Но вы очень молоды, общество смотрит на вас во все глаза, а оно – судья строгий. Чернь во всех странах не делает различия между молодым человеком и принцем. Поведение первого, к несчастью, слишком часто служит к помрачению доброй славы второго. С женитьбою кончилось ваше воспитание, отныне невозможно оставлять вас долее в положении ребенка, и в двадцать лет держать вас под опекою. Общество увидит вас одного, и с жадностью следить будет за вашим поведением. В свете

все подвергается критике, не думайте, чтобы пощадили вам либо меня. Обо мне скажут: она предоставила этого неопытного человека самому себе на его страх, она оставляет его, окруженным молодыми людьми и льстивыми царедворцами, которые развратят его и испортят его ум и сердце. О вас же будут судить, смотря по благоразумию или неосмотрительности ваших поступков. Но подождите немного. Это уж мое дело вывести вас из затруднения, и унять это общество и льстивы, и болтающих царедворцев, которые желают, чтобы вы были Катонем в двадцать лет, и которые стали бы негодовать, коль скоро вы бы им сделались. Вот что я должна сделать: я определяю к вам генерала Салтыкова, который, не имея звания гофмаршала вашего двора, будет исполнять его обязанности, как увидите из приложенной записки, в которой я подробно перечисляю его обязанности. Сверх того, приходите ко мне за советом так часто, как вы признаете в нем необходимость, я скажу вам правду со всей искренностью, к какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольным, выслушав ее. Понимаете!»⁴

Всей правды, конечно, самодержавная мать никогда говорить сыну не собиралась. Чувствуется, что она боится, что сын с женьбой получает некоторую свободу и может хотя бы отчасти потеснить ее в разборе важных государственных дел. Поэтому императрица сочла необходимым держать сына на коротком поводке и быть в курсе всех его мыслей и дел.

Назначением к нему нового опекуна Павел Петрович, конечно, остался недоволен. Особенно его раздражали, и не без основания, слухи, что граф Салтыков приставлен к нему соглядатаем, и будет доносить императрице и каждом шаге ее сына. Но время залечивает раны. Граф умел подольститься к любому, если считал это выгодным для себя. Поэтому вскоре его связала с цесаревичем дружба, хотя он не оставил и службы тайного доносчика.

Всепоглощающая любовь к молодой жене спустя несколько месяцев после свадьбы обернулась спокойной и милой супружеской жизнью. Павел Петрович обрел возможность оглядываться по сторонам и замечать, что он все также остается не у дел, а странною правят сменяющиеся друг друга фавориты матери – Г.Г. Орлов, А.С. Васильчиков, Г.А. Потемкин... Великий князь становился все более раздражительным, ругал внешнюю и внутреннюю государственную политику матушки, о чем доносители постоянно извещали императрицу, и она в отместку еще более отдаляла сына от себя и от государственных дел.

Изменилось отношение Екатерины и к невестке. «Великая княгиня постоянно больна, – сетует она Гримму в письме от 27 декабря 1774 года. – Да и как же ей и не быть больной? Все у этой дамы доведено до крайности. Если она гуляет пешком, то двадцать верст, если танцует, то двадцать контрдансов и столько же менуэтов, не считая аллемандов. Чтобы избежать жары в комнатах, их вовсе не топят, если кто-нибудь трет себе лицо льдом, то все тело становится лицом. Одним словом, середина во всем очень далека от нас. Опасаясь злых, мы не доверяем целой земле и не слушаем ни хороших, ни дурных советов. Коротко сказать, до сих пор нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия во всем этом, и Бог знает, что из этого будет, так как никого не слушают, и все хотят делать по-своему. Вообразите, что спустя полтора года и более мы еще не говорим ни слова по-русски, мы хотим, чтоб нас учили, но мы не хотим посвятить на это минуту прилежания в день. Во всем одно верхопраховство: мы терпеть не можем ни того, ни этого. Долгов у нас вдвое, чем состояния, а едва ли, кто в Европе столько получает. Но заметим: никогда не следует отчаиваться в молодых людях, не надо слишком много ворчать».⁵

Екатерина кокетничает с Гриммом: наговорив кучу гадостей про невестку, она делает реверанс, который должен показать ее доброту и снисходительность – «не следует отчаиваться в молодых людях». Но весь предыдущий злобный текст недвусмысленно говорит, что императрица ненавидит и будет продолжать ненавидеть невестку.

⁴ Катон Младший – республиканец в Древнем Риме, противник Цезаря.

⁵ То есть от великой княгини.

Горе и новое счастье

Для императорского двора 1775 год начался хорошо: казнен самозванный император Емелька Пугачев, победоносная война с Турцией увенчана выгодным для России Кучук-Кайнарджийским миром, Екатерина своей ласковостью и наградами приворожила даже тех вельмож, которые были недовольны началом ее царствования. Огорчал лишь великокняжеский двор: частое общение Павла Петровича на торжествах с простым народом, который был от него без ума; нескрываемое недовольство Натальи Александровны незавидной участью мужа по сравнению с осыпанными подарками и должностями фаворитами императрицы; политические интриги ближайшего друга цесаревича графа А.К. Разумовского.

Но все семейные раздоры отошли на второй план, когда приблизилась пора для Екатерины стать бабушкой. Увы, ожидаемое счастье обернулось трагедией – при родах в апреле 1776 года умерли и младенец, и его мать.

Обезумивший Павел Петрович переломал всю мебель в своих комнатах, пытался выбраться из окна, запретил предавать тело супруги земле, утверждая, что она жива. Потом он впал в меланхолию.

Зато деятельная мать не сидела, сложа руки. Она решительно принялась за приискание новой невесты, ибо теперь ее не отпускала мечта занять внука. В письме к Гримму Екатерина пересказала, как спустя несколько месяцев после приключившейся трагедии в игривой манере стала готовить сына к новому браку.

«Я начала с того, что предложила путешествие, перемену мест, а потом сказала: мертвых не воскресить, надо думать о живых. Разве оттого, что воображали себя счастливым, но потеряли эту уверенность, следует отчаиваться в возможности снова возратить ее? Итак, станем искать эту другую.

– Но кого?

– О, у меня есть в кармане! Да-да, и еще какая прелесть!

И вот любопытство сразу возбуждено.

– Кто она? Какова она? Брюнетка, блондинка, маленькая, большая?

– Кроткая, хорошенькая, прелестная. Одним словом, сокровище; сокровище приносит с собой радость.

Это вызывает улыбку. Слово за слово, призывается третье лицо, некий путешественник, столь проворный, что за ним никто не угоняется, прибывший недавно как раз для того, чтобы утешать и развлекать. И вот он делается посредником, начинаются переговоры. Курьер послан, курьер возвращается, устраивается путешествие, готовится свидание, и все это совершается с неслышанною быстротою. И вот удрученные сердца успокаиваются, грусть еще не отходит, но неизбежно рассеивается приготовлениями к путешествию, которое необходимо для здоровья и развлечения.

– Дайте нам пока портрет, в этом нет беды.

– Портрет? Мало таких, какие нравятся. Живопись не производит впечатления.

Первый курьер привозит портрет. На что он? Портрет может произвести неблагоприятное впечатление. Пусть он лучше остается в своем ящике. И вот портрет целую неделю лежит завернутым там, где его положили, когда он был привезен, – на моем столе, возле моей чернильницы.

– Что же он, красив?

– Смотря по вкусу. Моему вкусу он вполне удовлетворяет.

Однако, на него посмотрели, немедленно положили в карман, и снова на него посмотрели. Наконец он наполнял собою и ускорял приготовления к путешествию. И вот они в дороге... Я не знаю, но с 1767 года я всегда чувствовала преобладающее влечение к этой

девице. Рассудок, который, как вы знаете, часто вводит в заблуждение инстинкт, заставил меня предпочесть другую, потому что большая молодость не позволяла устроить дело тотчас. И вот именно в то время, когда казалось, что я ее потеряла навсегда, самое несчастное событие возвращает меня к предмету моей страсти».

Императрица говорит о виртембергской принцессе Софии Доротее Августе, на которой еще до первого брака сына она остановила свой взгляд. К ней в Берлин и отправился 13 июня 1776 года цесаревич в сопровождении генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского и других сановников.

Путешествие по Пруссии было похоже на триумфальное шествие, почести умиляли великого князя. Но особенно его потрясла берлинская встреча с императором Фридрихом Великим, которому в приветственной речи он сказал, что, наконец, исполнилась его давняя мечта «видеть величайшего героя, удивление нашего века и удивление потомства». Фридрих ответил, что он не заслужил столь лестных похвал, и представляет собой лишь хворого седовласого старца, обрадованного приездом к нему сына лучшего своего друга Екатерины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.